

УДК 39+94(474)

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/288-302

Научная статья

© К. А. Зверев

ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СМЕНА СОВЕТСКОГО МИФА НАЦИОНАЛЬНЫМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Предметом изучения в статье является определение изменений в исторических оценках русскоязычных жителей Эстонии, Латвии, Литвы и России в сравнении, в период 1990-х — 2010-х гг. Цель исследования состоит в анализе сущности исторической парадигмы стран Балтии, степени её восприятия местным титульным и русскоязычным населением, а также сопоставление с историческими воззрениями жителей самой Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности. При подготовке работы использованы также специальные исторические методы — хронологический, периодизации, ретроспекции и актуализации, а также отдельные прикладные методы социальных (социологический опрос, социологическое наблюдение, контент-анализ) наук. В результате анализа комплекса составляющих государственной исторической политики стран Балтии и Российской Федерации, а также привлечения широкого круга источников по измерению общественного мнения (социологические исследования, опросы населения) удалось выявить различия в оценках прошлого русскоязычным населением Эстонии, Латвии, Литвы и жителями РФ применительно к конкретным историческим отрезкам и личностям. При этом более значительные расхождения относятся к восприятию советского периода и присущи молодому поколению, получившему образование уже после распада СССР.

Ключевые слова: русскоязычное население стран Балтии, политика памяти, государственная историческая политика, исторические оценки

Ссылка при цитировании: Зверев К. А. Идентичность на постсоветском пространстве: смена советского мифа национальным (по материалам социологических исследований) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 288–302.

UDC 39+94(474)

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/288-302

Original Article

© Kirill Zverev

THE IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE: THE REPLACEMENT OF THE SOVIET MYTH BY THE NATIONAL ONE: ON THE DATA OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH

The subject of the study in the article is to determine the changes in the historical assessments of the Russian-speaking residents of Estonia, Latvia, Lithuania and Russia in comparison, in the period of the 1990s — 2010s. The purpose of the study is to analyze the essence of the historical paradigm of the Baltic countries, the degree of its perception by the local titular and Russian-speaking population, as well as comparison with the historical views of the inhabitants of the Russian Federation itself. The methodological basis of the study is the principles of historicism, objectivity, and consistency. In preparing the work, special historical methods were also used — chronological, periodization, retrospection and actualization, as well as individual applied methods of social (sociological survey, sociological observation, content analysis) sciences. As a result of the analysis of the complex components of the state historical policy of the Baltic countries and the Russian Federation, as well as the involvement of a wide range of sources for measuring public opinion (sociological studies, population surveys), it was possible to identify differences in the assessments of the past by the Russian-speaking population of Estonia and Latvia. Lithuania and the inhabitants of the Russian Federation in relation to specific historical periods and personalities. At the same time, more significant differences relate to the perception of the Soviet period and are inherent in the younger generation, who received their education after the collapse of the USSR.

Keywords: *Russian-speaking population of the Baltic countries, politics of memory, state historical policy, historical assessments*

Author Info: Zverev, Kirill A. — Ph. D. in History, Associate Professor, Kostroma State University (Russian Federation, Kostroma). E-mail: zverew.kir@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

For citation: Zverev, K. A. 2023. The Identity in the Post-Soviet Space: The Replacement of the Soviet Myth by the National One: On the Data of the Sociological Research. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 288–302.

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. породил для вновь образованных государств не только потребность в собственном институциональном оформлении, но и поставил их перед необходимостью конструирования новой национальной идентичности, кардинально отличавшейся от советского варианта. Всё это обусловило пристальное внимание национальных элит к вопросам местного исторического дискурса, в осо-

бенности касательно событий XX в. В данной статье, опираясь на широкий круг социологических исследований и других источников, мы попытаемся проследить динамику изменений в отношении общего исторического прошлого и проанализировать появление новых национальных исторических установок.

Прибалтийская политика памяти

Из пятнадцати постсоветских государств, мы бы хотели выделить Прибалтийские республики (Эстонию, Латвию, Литву), где наиболее последовательно с начала 1990-х гг. шло размежевание с советским нарративом. Здесь активное отторжение советского прошлого проявилось ещё в конце 1980-х гг. — в период «Поющей революции 1987–1991 гг.», на фоне роста националистических и сепаратистских настроений, а также обострения социально-политического и экономического кризиса. Именно тогда в обществе начал активно продвигаться тезис о незаконности инкорпорации Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР в 1940 г. Деятельное участие в распространении данных взглядов сыграли представители Геттингенской рабочей группы учёных, в том числе Борис Мейснер и Дитрих Лёбер, создатели «концепции оккупации стран Балтии» (Meissner, Loeber 1995: 319). В частности, Дитрих Лёбер выступал на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюдис Литвы), проходившей в Таллине 13–14 мая 1989 г. (Балтийская ассамблея 1989: 15). Помимо прочего, на конференции обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения Республики в состав СССР в 1940 г. В этой части мероприятия советолог из ФРГ Д. Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа (Graf 2012: 104–105), доказывая тем самым факт «незаконности» и насильственного присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу.

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменование 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему) — 23 августа 1989 г. Народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь», которая была призвана привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников тезиса о «советской оккупации» и популяризации идеи «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик.

Концепция оккупации стран Балтии позволяла прибалтийскому истеблишменту обосновать состоятельность идеи непрерывного существования Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, провозглашённых в 1918 г. (затем, подвергшихся «советской оккупации с 1940 по 1991 г.») и их политическое и правовое возрождение, восстановление в 1991 г. В частности же, принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, на активы Республик за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях, на безоговорочный вывод советских/российских войск со своей территории и требование компенсаций за «оккупацию». Кроме того, применительно к Эстонии и Латвии не следует забывать и о национальном вопросе, — а именно о статусе местного русскоязычного населения, подавляющая часть которого приби-

ла сюда именно в советский период и, таким образом, не могла претендовать на восстановление гражданства. К 1991 г. русскоязычное население составляло до 35% жителей Эстонии (2000 aasta rahva ja eluruumide loendus), до 45% населения Латвии (Latvijas tauta 2002), до 9% жителей Литвы. Применительно к Литве следует упомянуть и о польском меньшинстве в 7% (Ambrozaitienė 2006: 178).

Однако, не следует отождествлять с прибалтийской политикой памяти исключительно тезис о «советской оккупации». Вторым её важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал «принцип этноцентризма», под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульных наций во внутригосударственной жизни Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом местной политики памяти стал принцип антикоммунизма, направленный на развенчание «преступлений коммунизма» против эстонского народа. По нашему мнению, данный принцип не столько характерен для Прибалтики, сколько для государств Восточной Европы в целом. В странах Балтии он применялся в большей степени для достижения внешнеполитических целей и заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг.

Разумеется, новые взгляды на события прошлого начали активно популяризоваться на всех уровнях — от преподавания истории в школе и выпуска научных трудов, до создания исторических фильмов, музеев, памятников, вписывающихся в новую историческую концепцию (Зверев 2019: 79–81; Зверев 2020: 03–13).

Что же касается Российской Федерации, то здесь в 1990-е гг. официальные власти устранились от какого-либо влияния на историческую парадигму, и лишь со второй половине 2000-х гг. ситуация стала меняться — был получен «государственный заказ» на создание нового учебника по Отечественной истории — под редакцией А. А. Данилова, А. В. Филиппова (История России 2008). Кроме того, на уровне высшего руководства страны активизировалась борьба с попытками фальсификации истории, в особенности событий Второй мировой войны и периода существования Советского Союза (Миллер 2009: 6–23).

Тем не менее, процессы трансформации исторического сознания, запущенные в годы Перестройки и период становления национальной государственности на постсоветском пространстве не прошли бесследно. Наиболее значительные изменения оценок прошлого (в первую очередь событий XX в.) по вышеозначенным причинам произошли в Прибалтийских республиках. Затронули они и местное русскоязычное население, которое также оказалось вовлечено в национальную политику памяти. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований и опросов. При этом, наиболее показательны опросы, характеризующие отношение к событиям XX в. (а именно, к межвоенному периоду, советской власти, событиям Второй мировой и Великой Отечественной войны).

В связи со специфичностью рассматриваемой темы, особый интерес для нас представляет социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», проводившееся в апреле — мае 2009 г. и охватившее, помимо прочих, с идентичными вопросами Эстонию, Латвию,

Литву, Россию (с выборкой интервьюируемых в количестве от 1000 до 1600 человек в каждом из государств) (*Ajalooteadvus eelmise sajandi* 2009). Применительно к Латвии следует упомянуть о «Мониторинге социальной памяти Латвии» («*Latvijas sociālās atmiņas monitorings*»), проведенном в 2010–2013 гг. учёными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской (*Kaprāns, Procevska* 2013: 55), а также практически аналогичный мониторинг 2017 г. того же Мартинса Капранса и Андриса Саулитиса (*Kaprāns, Saulītis* 2017: 72). Также в данной работе используются социологические опросы и исследования, проводившиеся в разное время по заказу государственных учреждений, частных информационных агентств и СМИ.

Степень восприятия новых трактовок истории жителями Прибалтики

В случае с Прибалтийскими республиками и особенностями местной государственной исторической парадигмы (обозначенной выше) весьма важное значение приобретает общественная оценка периода существования независимых буржуазных республик межвоенного периода. На наш взгляд, со стороны официальных Таллина, Риги, Вильнюса удалось «привить» русскоязычным в целом положительное или нейтральное отношение к данному историческому периоду. В частности, применительно к первой Латвийской Республике 1920-х — 1930-х гг. и правлению Карлиса Улманиса (латвийский политический деятель, авторитарный правитель Латвийской Республики в 1934–1940 гг.) — лишь 12% нелатышей дали негативную оценку, 73% регулярно отмечают 18 ноября 1918 г. — День провозглашения независимости (*Kaprāns, Saulītis* 2017: 10). В Эстонии схожая ситуация — 70% русскоязычных респондентов высказали положительное отношение к Первой Республике и Константину Пятсу (эстонский политический деятель, авторитарный правитель Эстонской Республики в 1934–1940 гг.). При этом оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии — Виктора Кингисеппа (российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940 г., председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946 гг.), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). При этом поддержку первому президенту новой Эстонии — Леннарту Мери высказали лишь 76% неэстонцев, среди коренных жителей таковых было 90% (*Ajalooteadvus eelmise sajandi* 2009). Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом, мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны), касательно большей части исторических событий, что говорит об отсутствии поляризации общества, о существовании своеобразного диалога в эстонском и латвийском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй Мировой войны). Литва же в данном контексте имеет собственную специфику, заключающуюся в более однородном эт-

ническом составе населения, а также в ставке местного истеблишмента на литуанизацию истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) (Зверев 2020: 03–13). Так, по заказу литовского информационного портала DELFI компанией по исследованию общественного мнения и рынка Spinter tyrimai было проведено социологическое исследование в январе 2012 г., согласно которому с государственностью у жителей Литвы в наибольшей степени ассоциируется праздничный день 16 февраля (1918 г.) — провозглашение независимости первой Литовской Республики (поддержали 45,6% респондентов), в то время как День коронации короля Миндаугаса и знаменующееся этим создание Великого княжества Литовского (22,2% опрошенных), 11 марта (20,3%) или нынешний День Конституции (1,6%) в сознании жителей Литвы утвердились гораздо слабее (Для жителей Литвы...). Другими словами, Вильнюсу, наряду с северными прибалтийскими соседями, удалось достигнуть консенсуса в обществе относительно принципа правопреемственности новых государств к Республикам 1918–1940 гг., а также положительного (либо, по меньшей мере нейтрального) отношения к ним со стороны национальных меньшинств.

Однако, как уже упоминалось ранее, основным камнем преткновения в историческом дискурсе стран Балтии является вопрос о правомерности инкорпорации Республик в состав СССР и само отношение к советскому прошлому. Так, согласно данным эстонских социологов, в 2007 г. в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г, аналогичное утверждение поддержали 56% (Всего 7 процентов 2007). Весьма показателен и социологический опрос, проведенный по заказу правительства города Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. Причём доля неэстонцев, критически воспринимающая тезис о «советской оккупации» постоянно растёт (Тамм 2009). По нашему мнению, данные настроения — не отвечающие основным устремлениям местной государственной исторической политики — могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж памятника «Павшим во Второй мировой войны» в Таллине и вызванные этим массовые беспорядки), но и отчуждённости местного русскоязычного населения от ЭР вследствие языковой политики, ущербного правового статуса (из-за отсутствия гражданства) (Зверев 2015: 298).

В соседней Латвии оценочные суждения русскоязычного населения во многом совпадают с мнением эстонских русских. Об этом свидетельствуют результаты упомянутого выше «Мониторинга социальной памяти Латвии» («Latvijas sociālās atmiņas monitoring») 2010–2013 гг. (Kaprāns, Procevska 2013: 55), а также аналогичного мониторинга 2017 г. (Kaprāns, Saulītis 2017: 72). Исследование показало достаточно низкий общественный интерес к истории Латвии до XX в. — как у латышей, так и у русскоязычных менее половины респондентов не выработали какое-либо отношение к раннему периоду отечественной истории. Интерес латышей возрастает к этапу развития Латвии в составе Российской империи и, особенно, к Латвийской ССР — именно применительно к данным периодам было высказано наиболее положительное отношение. Не меньший интерес русскоязычные проявляют и к «Поющей революции 1987–1991 гг.», новейшей истории Латвии (с 1991 г.), однако здесь наблюдается доминирование негативных оценок у 60% респондентов, чьим родным

языком является русский (*Kaprāns, Saulītis* 2017: 10). Это явно указывает на преобладание в местном политическом и информационном поле дискуссий именно о XX в. — как и предусмотрено латвийской политикой памяти.

Основные же противоречия, как и в соседней Эстонии, вызывают события Второй мировой войны и обстоятельства вхождения Республики в состав Советского Союза. Именно данный период является доминирующим в современном латвийском историческом дискурсе с подачи официальной Риги на протяжении всех 1990-х — 2010-х гг. Однако, в обществе уже наблюдается усталость от постоянного мушкетирования тем «советской оккупации». Так, 69,2% русскоязычных считают тему событий 1940 г. (инкорпорация Латвийской Республики в состав СССР) не актуальной, среди латышей таковых — 43% (*Kaprāns, Procevska* 2013: 21). При этом, события 1940-х гг. продолжают разделять общество. Согласно исследованию, проведённому при поддержке «Фонда Сороса — Латвия» в начале 2019 г. «лишь 5% русскоязычных школьников считают, что в 1944 г. СССР оккупировал Латвию (среди латышей таковых 62%). 23% учащихся из числа нелатышей уверены, что российский народ должен взять на себя ответственность за репрессии и депортации (среди представителей титульной нации так думают 72%). Объективными учебники истории считаю 26% русскоязычных школьников и 65% латышских учащихся» (цит. по: В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ...). В опросе принимали участие 400 учеников 12-х классов латышских и русскоязычных школ. Согласно другому исследованию общественного мнения, проведённому в 2013 г. (Латвия: как пишут учебники истории 2013), интерпретация событий XX в. в школьных учебниках истории также не вызывает доверия у русскоязычных учеников.

Вместе с тем, упомянутый выше «Мониторинг социальной памяти Латвии» («*Latvijas sociālās atmiņas monitorings*») 2017 г. продемонстрировал настораживающую для официальной Риги тенденцию — 1/3 русскоязычных хочет возвращения назад времён Советского Союза, и их число по сравнению с 2013 увеличилось (*Kaprāns, Saulītis* 2017: 72). Среди русскоязычных, которые считают себя более информированными, меньше тех, кто думает, что Латвия была оккупирована, а среди латышей — наоборот. Это свидетельствует о том, что у этих людей очевидно разные источники информации (Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам 2013). Данные другого исследования — SKDS «Внешнеполитические мифы в Латвии: ЕС и Россия», — заказанного фондом поддержки Малой исторической библиотеки Латвии и проведенного в июне 2012 г., показали, что более половины, или 54,4% латвийцев полагают, что Латвии было хорошо в составе СССР. В то же время, почти половина, или 46,8%, позитивно оценивают распад Советского Союза (Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам 2013). Схожие результаты показал и опрос, проведённый в конце 2012 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Латвии. Согласно его данным 57% опрошенных считают советские времена хорошими, что на 2,5 процентных пункта больше, чем было в 2010 г. Удельный вес отрицательно относящихся к этому периоду уменьшился на 1,7% — до 26,8%. В свою очередь 19% респондентов, в основном русскоязычных, хотели бы восстановления советского режима в Латвии, а 65% — не хотели бы этого. Большинство респондентов по-прежнему признает, что подписанное 23 августа 1939 г. соглашение между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова — Риббентропа) повлияло на превращение Латвии в состав-

ную часть СССР. В 2004 г. с этим утверждением были согласны 56% опрошенных, а в 2012 г. — 63,8% (Сергиенко 2013).

Другими словами, эстонское и латвийское общество расколото по этно-национальному признаку в оценках событий Второй мировой войны и советского прошлого. При этом, по мере углубления противоречий, русскоязычное население всё более дистанцируется от позиций официальных Таллина и Риги в данном вопросе, поляризация мнений возрастает. Однако, о неизбежности взглядов нелатышей и неэстонцев также нельзя однозначно утверждать. Так, в упомянутом выше «Мониторинге социальной памяти Латвии» за 2012 г. содержится вопрос об отношении жителей Латвии к основным праздничным датам — день памяти латышских легионеров СС поддерживают 55,8% латышей, но удивительно, что среди местных русскоязычных положительное отношение к данному торжеству высказали 31%. При этом 9 мая — День Победы в Великой Отечественной войне отмечают 38,8% латышей и 77,1% русскоязычных (Kaprāns, Saulītis 2017: 72). По мнению латвийского исследователя Виктора Макарова *«День Победы стал знаковым <для русскоязычных жителей Латвии>, как и для России, именно в последние годы. Десять лет назад такого количества молодежи в Риге к памятнику Победы не приходило»* [цит. по: Макаров 2009: 150]. Здесь В. Макаров солидарен с мнением исследователей Института истории Латвии Мартинса Капранса, Ольги Прочевской, Андриса Саулитиса о существовании в Республике как минимум двух параллельных информационных полей — латышскоязычного и русскоязычного, каждое из которых рассчитано исключительно на свою аудиторию. Понимая это, латвийский истеблишмент с 2015 г. начинает активное наступление на русскоязычные СМИ — в 2015 г. «Первый Балтийский Канал» оштрафован за «необъективное освещение военного конфликта на Востоке Украины» («Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе 2015), в 2019 г. приостановлено вещание девяти российских каналов (Волков 2020), возрастает давление на пророссийское информационное поле. Запрет российских каналов говорит об их действенности и влиянии на местное русскоязычное население, а значит недостаточное восприятие латвийской государственной исторической парадигмы со стороны национальных меньшинств.

Настроения национальных меньшинств Литвы также удалось выяснить благодаря социологическим исследованиям — в частности, представляет интерес опрос компании по изучению общественного мнения Baltijos tyrimai (рус. Балтийские исследования), проведённый 27 июня — 12 июля 2016 г. Состав респондентов был исключительно из числа нелитовцев: 46% — поляки, 35% — русские, 8% — белорусы, 6% — украинцы, 2% — евреи и 3% — представители других национальностей. 64,8% участников исследования положительно ответили на вопрос, защищали бы они Литву, если бы на неё напали. В 2014 г. в Литве (Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы...) высказались утвердительно по аналогичному вопросу 57% населения, в 2005 г. — 32% (Kerkudu Barbambia 2016). Другими словами, степень лояльности к официальному Вильнюсу среди национальных меньшинств за 10 лет практически удвоилась. В том же 2016 г., с утверждением, что граждане Литвы стали бы защищать свою страну в случае агрессии больше соглашались русские — 65%, в числе поляков таковых было меньше — 59,9%. *«В вопросе обороны страны русские всегда были активнее, особенно жители младшего возраста, которые отождествляют себя с этим го-*

сударством», — отметил заместитель директора Baltijos tyrimai Ромас Мачюнас (цит. по: *Kerkudu Barbambia* 2016).

Однако, при этом, только 42,8% участников опроса согласны с утверждением, что для безопасности Литвы важны членство в ЕС и НАТО. Между тем, утверждение, что часть представителей нацменьшинств нелояльны по отношению к Литве, были оценены следующим образом — меньше трети с этим согласились, 33,4% не сказали ни да, ни нет, 31,2% не согласились. Интересные результаты показали и вопросы о международной политике. К примеру, больше половины — 52,8% — участников опроса согласны с утверждением, что российская политика — адекватная реакция на направленные против неё действия США и НАТО. Кроме того, присоединение Крыма к РФ законным действием считают 42,8% участников опроса. Больше всего это утверждение поддерживали выпускники русскоязычных школ — 48,3%, среди выпускников польских школ — 39,5%. Наконец, 40,8% участников опроса согласились с мнением, что «развал СССР — это самая большая геополитическая катастрофа». Интересно, что с этим были склонны согласиться воспитанники польских школ (43,4%), учащихся русских школ с таким мнением было немного меньше (41,2%) (*Kerkudu Barbambia* 2016).

Степень восприятия трактовок истории жителями России

Если обратиться к историческим оценкам в российском обществе, то россияне в целом проявляют не меньший (по сравнению с жителями Прибалтики) интерес к отечественной истории. По утверждению респондентов, 71% из них интересуются историей своей страны и две трети полагают, что знают новейшую историю государства (*Каменчук, Федоров* 2009: 311–318). Это даже более высокий показатель, нежели среди русскоязычного населения стран Балтии (*Ajalooteadvus eelmise sajandi* 2009). Кроме того, в России также имеет место быть более выраженная ностальгия по Советскому Союзу — 56% респондентов сожалеют о распаде СССР (*Белуза* 2016: 3). Три четверти граждан РФ (75%) считают советскую эпоху лучшим временем в развитии страны (*Мухаметшина* 2020). При этом, можно смело констатировать, что в отечественном историческом дискурсе обстоятельства присоединения Прибалтийских республик к СССР по понятным причинам не занимают значительного места. Не является центральной и тема советско-германского договора о ненападении (так называемого пакта «Молотова-Риббентропа») и секретных протоколов к нему о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Само существование данных секретных протоколов было осуждено ещё в 1989 г. на II-м Съезде народных депутатов СССР (Постановление Съезда народных депутатов СССР 1989), обнародованы они были в 1993 г. и после этого неоднократно публиковались. Однако осведомлённость об этих документах в российском обществе остаётся достаточно низкой. В частности, в 2017 г. 38% россиян вообще не знали о существовании пакта «Молотова-Риббентропа» (в 2010 г. таковых было 46%). В существование секретных протоколов к пакту верят 40% респондентов, 17% полагают, что протоколы — фальшивка, 33% опрошенных признались, что даже не слышали об этих документах (Почти 40% россиян не вспомнили о существовании пакта «Молотова-Риббентропа» 2017). Данные цифры свидетельствуют об отсутствии значительного общественного интереса

к обозначенной проблематике. Хотя, безусловно, события Второй мировой и, особенно, Великой Отечественной войны являются центральными в российской политике памяти и историческом дискурсе. Это можно подтвердить и на основе результатов упомянутого выше исследования «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов» — более 95% россиян оценили негативно нападение Германии на СССР (Задорин и др. 2009: 21). Для сравнения, в Эстонии, Латвии, Литве данное событие вызывает отрицательный отклик у 80–89% (Задорин и др. 2009: 15). При этом к капитуляции Германии в 1945 г. положительно относятся 90% жителей РФ и лишь половина населения стран Балтии (Ajalooteadvus eelmise sajandi 2009).

Если же обратиться к общественным оценкам исторических событий и персоналиям XX в. вне контекста Второй мировой войны, то здесь расхождения между государствами также весьма значительны. Например, личность Николая II, Владимира Ленина, Феликса Дзержинского, Иосифа Сталина жителями России оцениваются в среднем на 25–30% более положительно, нежели в странах Балтии. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении к Октябрьской Революции 1917 г. При этом воззрения молодого поколения (респондентов младше 25 лет) в Эстонии, Латвии, Литве являются более радикальными (на 5–10%), нежели у более возрастных респондентов. В России же наблюдается обратная тенденция (Задорин и др. 2009: 21–29; Ajalooteadvus eelmise sajandi 2009). По нашему мнению, данные особенности свидетельствуют о принципиально разных подходах в государственной исторической политике. Если в Прибалтийских республиках делается ставка на антисоветскую/антироссийскую риторику и «национализацию» истории (написание истории эстонцев, латышей, литовцев), то в РФ, наоборот, сказывается отсутствующая линия исторической парадигмы, в которой прослеживается лишь ставка на Великую Отечественную войну.

Выводы

Таким образом, можно констатировать что исторические оценки русскоязычных жителей Прибалтийских республик и россиян, имеют различия в зависимости от того или иного периода. Наименьшие расхождения вызывают события ранней, Средневековой истории, периода Российской империи и Великой Отечественной войны. Наибольшие различия связаны с оценкой советского периода развития.

Анализируя данные социологических исследований, проведенных в 2000-х — 2010-х гг. в Эстонии, Латвии, Литве можно прийти к выводу, что титульное население, в особенности молодежь младше 30 лет, поддержало и восприняло основные постулаты местной государственного исторического дискурса в части идеализации буржуазных республик межвоенного периода, тезиса о «советской оккупации» и принципа исторической правопреемственности нынешних государств республикам 1920-х — 1930-х гг. Доминирование антикоммунистических и антисоветских оценок также является общим трендом в данном регионе. При этом, наибольший интерес к истории и осведомленность в данном вопросе по результатам социологических исследований, демонстрируют эстонцы, в отличие от латышей и литовцев. Это обстоятельство обусловило большую значимость политики памяти для официального Таллина и большой накал страстей вокруг исторических трактовок, хотя бы

на примере так называемой «войны памятников» и событий «бронзовой ночи» апреля 2007 г. — вылившихся в массовые беспорядки.

Кроме того, исторический дискурс в известной степени способствовал складыванию негативного образа России в Прибалтике, что обеспечило поддержку правительства со стороны общественности (в первую очередь из числа титульного населения) в вопросах разрыва связей с РФ и евроатлантической интеграции. Таким образом, можно констатировать, что ключевые постулаты государственной исторической политики стран Балтии в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным населением.

Если обратиться к русскоязычным жителям Прибалтийских республик, то их воззрения на местную историю весьма схожи — нейтральное восприятие периода Средневековья, возрастающий интерес к эпохе Нового времени (особенно с этапа вхождения территории Прибалтики в состав Российской империи), доминирование в историческом дискурсе XX в. При этом нетитульные жители стран Балтии, в целом, восприняли позитивные оценки независимых буржуазных республик 1920-х — 1930-х гг. и их политических лидеров, но не приняли тезисы о «советской оккупации». Хотя оценочные суждения молодого поколения (младше 30 лет) и отличаются от мнения более возрастных респондентов в сторону более критичного отношения к советскому прошлому, тем не менее, и здесь не произошло перехода к доминированию антисоветских взглядов и поддержки тезисов об «оккупации». Таким образом, ключевые аспекты местной политики памяти всё-таки не нашли сочувствия среди русскоязычного населения Прибалтийских республик. Однако, социологические исследования показывают тенденцию к сближению точек зрения местных национальных меньшинств с историческими воззрениями титульного населения. Вследствие активизации политики памяти в 2000-е — 2010-е гг. мы можем предположить, что в ближайшие десятилетия основные постулаты, продвигаемые политикой памяти стран Балтии, станут доминирующими среди местного русскоязычного населения.

Однако в Эстонии и Латвии, государственная историческая политика не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональных Республик и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения. В результате, комплекс правовых, языковых и исторических подходов к проблеме русскоязычных жителей Эстонии и Латвии привёл к росту отчуждённости меньшинств от государства и коренных жителей. При этом, в Литве, реализовывавшей менее националистический курс в 1990-х, данного отчуждения не наблюдалось.

Источники и материалы

Балтийская ассамблея 1989 — Балтийская ассамблея: Сборник докладов. Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

Белуза 2016 — Белуза А. Союз ностальгии. О распаде СССР сожалеют больше половины россиян // Российская газета — Федеральный выпуск. 2016. 5 декабря. № 276(7144). С. 3.

В Латвии запретили девять российских телеканалов 2019 — В Латвии запретили девять российских телеканалов // Спутник Латвия [Электронный ресурс]. <https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20191120/12790199/V-Latvii-zapretili-devyat-rossiyskikh-telekanalov.html> (дата обращения 25.11.2020).

В Латвии решили приостановить вещание 2019 — В Латвии решили приостановить вещание девяти российских телеканалов // РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20191120/1561168063.html> (дата обращения 25.11.2020).

- Волков 2020 — Волков К. В Латвии запретили вещание семи телеканалов RT // Российская газета. 2020. 30 июня. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html> (дата обращения 25.11.2020).
- В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ — В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ // rus.DELFI.lv [Электронный ресурс]. <https://www.delfi.lt/ru/news/live/v-okkupacijyu-latvii-verit5uchenikov-russkih-shkol-20454266> (дата обращения 08.09.2019).
- Восприятие населением — Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Альбом диаграмм // Евразийский Монитор [Электронный ресурс]. <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia> (дата обращения 02.12.2020).
- Всего 7 процентов 2007 — Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt 2007. 21 мая. [Электронный ресурс]. <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija> (дата обращения 28.11.2020).
- Для жителей Литвы — Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv [Электронный ресурс]. <https://www.delfi.lt/ru/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta-55573301> (дата обращения 24.10.2020).
- Иванов 2006 — Иванов В. В. Гекатомба. Трилогия. Часть 2. Страшная ночь. К вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Сборник документов. Вильнюс, 2006. [Электронный ресурс]. <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения 08.12.2019).
- Латвия: как пишут учебники истории 2013 — Латвия: как пишут учебники истории // Русская служба BBC. [Электронный ресурс]. https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (дата обращения 08.09.2019).
- Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам 2013 — Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. 16 марта, 2013. <https://regnum.ru/news/1636769> (дата обращения 28.10.2020).
- Первый Балтийский Канал обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе 2015 — «Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе // РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20151023/1307120312.html> (дата обращения 25.11.2020).
- Постановление Съезда народных депутатов СССР 1989 — Постановление Съезда народных депутатов СССР о пакте Молотова-Риббентропа от 24.09.1989 г. // Правда. 1989 г. 28 декабря.
- Почти 40% россиян не вспомнили 2017 — Почти 40% россиян не вспомнили о существовании пакта «Молотова-Риббентропа» // Интерфакс. 2017. 13 сентября. [Электронный ресурс]. <https://www.interfax.ru/russia/578864> (дата обращения 10.02.2021).
- Фелдманис — Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты // МИД Латвии [Электронный ресурс]. <https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd> (дата обращения 04.07.2019).
- Latvijas tauta 2002 — Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites [The People of Latvia After the 2000 Census] // *Latvijas Vēstnesis*. 30.04.2002. N 65. <https://www.vestnesis.lv/ta/id/61710>
- 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus — 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus // Statistikaamet (Департамент статистики). [Электронный ресурс]. <http://www.stat.ee/dokumendid/26769> (дата обращения 29.01.2021).

Научная литература

- Задорин И. В. (рук.) и др. Исследовательский проект «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель-май 2009 г. Краткий аналитический отчёт. М.: НП «Евразийский монитор», АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2009. eurasiamonitor.org
- Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Кострома, 2015. 298 с.

- Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е — 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 25. № 1. С. 79–81.
- Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
- Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
- История России, 1945–2007 гг. 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина, А. В. Филиппова. М.: Просвещение, 2008. 367 с.
- Каменчук О. Н., Федоров В. В.* Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 311–318.
- Макаров В.* «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве — II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 150–151.
- Миллер А.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. Т. 13. С. 6–23.
- Мухаметшина Е.* Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости 2020. 24 марта. [Электронный ресурс]. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения 07.02.2021).
- Сергиенко В.* Исследование: латыши стали менее негативно относиться к советскому периоду // rus.DELFI.lv 2013. 15 марта. [Электронный ресурс]. <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshi-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554> (дата обращения 23.11.2020).
- Тамм М.* Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 октября. [Электронный ресурс]. <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-estii-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения 28.11.2020).
- Ajalootadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. “Euraasia Monitoring”, Aprill-mai 2009. SAAR POLL (Саар Полл). September 2009. 55 p. http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalootadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020).
- Ambrozaitienė D.,* redaktoriai. Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development). Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.
- Graf M.* Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo, 2012. L. 104–105.
- Kaprāns, M. and O. Procevska,* eds. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. 55 lpp.
- Kaprāns, M. and A. Saulītis,* eds. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 2 / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. 72 lpp.
- Kerkudu Barbambia.* Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv 2016. 8 августа. [Электронный ресурс]. <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-cho-to-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения 27.11.2020).
- Laar M.* Estonia’s way / translation by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2006. 296 lk.
- Meissner B., Loeber D. A.* Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 lk.

References

- Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel* [Historical Awareness of the Most Important Events of the Last Century in Eastern Europe]. “Euraasia Monitoring”, aprill-mai 2009. *Saar Poll*. September 2009. 55 p. http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (accessed 08 November 2020).
- Ambrozaitienė, D. (ed.). 2006. *Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida* [Population of Lithuania: Composition and Demographic Development]. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės. 178 p.
- Astrov, A. 2012. Istoricheskaia politika i «ontologicheskiaia ozabochennost'» malykh central'no-evropeiskikh gosudarstv (na pri, mere Estonii) [Historical Politics and “Ontological Concerns” of Small Central European States (On the example of Estonia)]. In *Istoricheskaia politika v XXI veke: Sbornik statei* [Historical Politics in the 21st Century: A Collection of Articles], ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 184–216.
- Danilov, A. A., A. I. Utkin and A. V. Filippov. 2008. *Istoriia Rossii, 1945–2007 gg. 11 klass: uchebnik dlia uchashhikhsia obshheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [History of Russia, 1945–2007. Grade 11: Textbook for Students of Educational Institutions]. Moscow: Prosveshhenie. 367 p.
- Diukov, A. R. 2008. *Vtorostepennyj vrag. OUN, UPA i reshenie «evreiskogo voprosa»* [Secondary Enemy. OUN, UPA and the Solution of the «Jewish Question»]. Moscow: Regnum. 152 p.
- Diukov, A. R. 2010. Istoricheskaia politika ili istoricheskaia pamiat' [Historical Politics or Historical Memory]. *Mezhdunarodnaia zhizn' 1*: 133–148.
- Diukov, A. and V. Simindej. 2011. *Gosudarstvennaia istoricheskaia politika Latvii: materialy k izucheniiu* [State Historical Policy of Latvia: Materials for Study]. Moscow: Fond «Istoricheskaja pamjat'». 264 p.
- Graf, M. 2012. *Impeeriumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991* [The End of the Empire and the Re-independence of Estonia in 1988–1991]. Tallinn: Argo. 456 p.
- Kamenchuk, O. N. and V. V. Fedorov. 2009. *Voina, stavshaia Velikoi i Otechestvennoi: o vospriiatii Vtoroi mirovoi voiny v rossiiskom obshhestve* [The War That Became the Great and Patriotic War: On the Perception of World War II in Russian Society]. *Vestnik MGIMO Universiteta 4*: 311–318.
- Kaprāns, M. and O. Procevska (eds.). 2013. *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1* [Monitoring of Latvian Social Memory Report No.1]. Riga. 55 p. https://saliedetiba.saeima.lv/attachments/263_socialas_atminas_monitorings.pdf
- Kaprāns, M. and A. Saulītis (eds.). 2017. *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 2* [Monitoring of Latvian Social Memory. Report No. 2]. Rīga. 72 p.
- Kerkudu, Barbambia. 2016. *Issledovanie: chto delali bi russkie i poljaki Litvi, esli by na strany Baltii napala Rossija?* [Research: What Would the Russians and the Poles of Lithuania Do if the Baltic States Would Be Attacked by Russia?]. [rus.DELFI.lv](https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604) 8 August. <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (accessed 27 November 2020).
- Laar, M. 2006. *Estonia's Way*. Ttranslation by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 p.
- Makarov, V. 2009. «Boi za istoriju» v Latvii [«Fights for History» in Latvia]. In *Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve — II* [National Histories in the Post-Soviet Space — II], ed. by F. Bomsdorf, G. Bordjugov, Moscow: Fond Fridriha Naumanna, AIRO–HHI. 150–151.
- Meissner, B. and D. A. Loeber. 1995. *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994* [The Baltic States in Global Political and International Law Change: Contributions 1954–1994]. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu. 319 p.
- Miller, A. 2009. *Rossia: vlast' i istoriia* [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*. 13(3–4): 6–23.

- Miller A. and M. Lipman (eds.). 2012. *Istoricheskaia politika v XXI veke: Sbornik statej* [Historical Politics in the 21 Century: a Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 648 p.
- Muhametshina, E. 2020. Tri chetverti rossiian schitaiut sovetskiju jepohu luchshei v istorii strany [Three-Quarters of Russians Consider the Soviet Era the Best in the History of the Country]. *Vedomosti*. 24 Mart. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (accessed 07 February 2021).
- Sergijenko, V. 2013. Issledovanie: latyshi stali menee negativno otnosit'sja k sovetskomu period [Research: Latvians Have Become Less Negative About the Soviet Period]. rus.DELFI.lv 15 Mart. <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshi-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554> (accessed 23 November 2020).
- Tamm, M. 2009. Narva: Jestonija dobrovol'no prisoedinilas' k Sovetskomu Sojuzu [Narva: Estonia Voluntarily Joined the Soviet Union]. *Postimees*. 7 October. <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eeesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (accessed 28 November 2020).
- Zadorin, I. V., et. al. 2009. *Issledovatel'skij projekt «Vosprijatie molodjozh'ju novyh nezavisimyh gosudarstv istorii sovetskogo i postsovetskogo periodov». Kratkij analiticheskij otchjot*. [Research project «Youth perception of the newly independent states of the history of the Soviet and post-Soviet periods». Summary Analytical Report]. April–May, 2009. Moscow: NP «Evrazijskij monitor», ANO «Sociologicheskaja masterskaja Zadorina». 52 p. eurasiamonitor.org
- Zverev, K. A. 2015. *Russkoiazychnoe naselenie Estonskoi Respubliki v kontekste gosudarstvennoi natsional'noi politiki (1992–2007 gg.)*. [Russian-Speaking Population of the Republic of Estonia in the Context of State National Policy (1992–2007)]. Ph. D. dissertation, N. A. Nekrasov Kostroma State University. 298 p.
- Zverev, K. A. 2019. Istoriia kak instrument propagandy v politicheskoi bor'be Pribaltiiskikh respublik v 1990-e — 2000-e gg. [History as a Propaganda Tool in the Political Struggle of the Baltic Republics in the 199–0s — 2000-s.]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* 25(1): 79–81.
- Zverev, K. A. 2020. Formirovanie oficial'noi istoricheskoi paradigmy nezavisimoi Litvy [Formation of the Official Historical Paradigm of Independent Lithuania]. *Vseobshhaia istoria*. 3: 3–13.